

пепел вместо крови.

Доминика Кузовская

Пепел вместо крови

<https://litres.ru/74435427>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой этнограф Виктор Ланге отправляется в глухую деревню Малые Топоры, затерянную среди лесов и болот, чтобы изучить религиозную секту, практикующую ритуальные самосожжения. Он рассчитывает собрать материал для диссертации, но вместо этого попадает в замкнутый мир, где древние обряды — пугающая повседневность, где огонь — живая, всепроникающая сила.

С каждым днём Виктор всё глубже погружается в кошмар: странные ритуалы, необъяснимые явления, пугающие откровения о собственной семье. Его имя уже вписано в «Синодик Огненных» — список тех, кто должен сгореть. Чтобы выжить, ему придётся сделать выбор, от которого зависит не только его жизнь, но и судьба мира, стоящего на пороге открытия древней Двери, за которой таится невыразимый ужас.

Вдохновлённый фольклорными хоррорами, роман «Пепел вместо крови» погружает читателя в атмосферу липкого страха и безысходности. Это история о наследии, жертвенности, цене свободы и о том, что огонь внутри нас способен как согреть, так и испепелить.

Доминика Кузовская

Пепел вместо крови

ПЕПЕЛ ВМЕСТО КРОВИ

ЧАСТЬ I. АНТРОПОЛОГИЯ ТИШИНЫ

Глава 1. Инвентаризация пустоты

Дневник экспедиции №17. Дата: 14 октября.

Объект: Деревня «Малые Топоры».

Субъект: Я, Виктор Ланге, этнограф.

Я приехал сюда не искать Бога. Я приехал за тишиной.

В городе тишина мертва — она синтетическая, пропитанная гулом проводов и вибрацией асфальта. Здесь, в низине, где река Смородина делает петлю, тишина была живой. Она слушала. Она ждала, когда я сделаю первый шаг в грязь.

Малые Топоры не значились на современных картах. Только на военных планшетах сорок третьего года и в рукописных святцах местной епархии. Деревня отрезала себя от мира не стеной, а расстоянием. Последний рейсовый автобус шел сюда при Брежневe. Проводник высадил меня у

покосившегося столба с табличкой, где буквы были съедены мхом, и уехал, не взяв денег.

«Тебе туда не надо», — только и сказал он, глядя не на меня, а на верхушки елей.

Поселение встретило меня запахом. Пахло не навозом и не сеном. Пахло холодным дымом, впитавшимся в дерево, и воском. Много воска. Двери домов были закрыты, но на каждом пороге лежал круг из мелкой серой соли, а над каждой притолокой висел пучок травы, перевязанный красной шерстяной нитью. Трава была сухая, ломкая, но нити — яркие, будто их связали вчера.

Я искал секту. Точнее, то, что от нее осталось. В архивах университета я нашел упоминание о «Топоринском стоянии» — религиозном ответвлении, отделившемся от старообрядцев в конце XIX века. В отчете жандармского ротмистра значилось: «Субъекты одного толка практикуют ритуалы самосожжения в канун праздника Усекновения главы Иоанна Предтечи. Сгорают семьями, с пением псалмов, в специально устроенных для того амбарах. Перед актом смерти надевают одежды льняные, расшитые знаками нечитаемыми...»

В моей голове это звучало как страшилка для аспирантов.

Я приехал написать диссертацию о влиянии эсхатологии на аграрную культуру. Я был наивен.

Первым живым существом, встреченным мной на главной (и единственной) улице, была свинья. Огромная, черная, с белым пятном на лбу в форме полумесяца. Она стояла посреди лужи и смотрела на меня. Не как животное — с любопытством или страхом, — а как оценщик. Потом она медленно развернулась и ушла за угол избы с заколоченными окнами.

— Не бойся её, — раздался голос.

Голос был низкий, женский, и шел он как будто из-под земли.

Я обернулся.

Рядом с колодцем стояла старуха. Лицо её было похоже на печеное яблоко, изрезанное морщинами. Одета она была странно: поверх темного сарафана — мужской пиджак с чужого плеча, на голове — платок, завязанный не под подбородком, как принято, а на затылке, оставляя лоб открытым. И на лбу, прямо по центру, была нарисована черная точка.

— Вы местная? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Я этнограф. Приехал изучать ваши традиции. У меня разрешение от...

— Традиции, — перебила она. Слово упало в грязь, как камень. — Ты, мил-человек, про обряд «Пеленания мертвых» слышал?

Я кивнул. Обряд был описан в литературе: у старообрядцев принято пеленать покойника в льняную ткань, как младенца, символизируя новое рождение.

— Ну так вот, — старуха понизила голос, — мы тут пеленаем не мертвых. Мы пеленаем живых, чтобы они стали мертвыми для мира.

Она резко повернулась и пошла прочь, но не прямо, а как-то странно — забирая влево, словно обходя невидимое препятствие на пустой дороге. Я хотел окликнуть её, но заметил, что на земле, где она только что стояла, трава была примята в форме идеального круга.

Я достал диктофон.

«Запись №1. Атмосфера в деревне гнетущая. Наблюдается наличие архаичных суеверий. Первая респондентка, возраст около семидесяти лет, страдает, предположительно, деменцией. Упоминает ритуал "пеленания заживо". Внешне — классический фольклорный типаж...»

Я выключил запись, потому что в наушниках услышал не свой голос. Вместо слов «классический фольклорный типаж» на записи отчетливо прозвучало: «Она знает, зачем ты приехал. Беги до заката».

Я перемотал назад. Запись была чиста. Возможно, у меня начались слуховые галлюцинации от усталости.

Глава 2. Плаха

Меня поселили на постой. Это произошло само собой. Я постучал в дом, где над крышей поднимался дым — единственный признак жизни в этом сонном царстве. Дверь открыл мужчина лет пятидесяти, с лицом, будто высеченным из дубового полена, но глаза... Глаза у него были молодые, светлые и безумно печальные. Он представился Тихоном.

— Располагайся, гостем будешь, — сказал он, не спрашивая, кто я такой. Будто ждал.

В доме было чисто, но эта чистота была музейной. Стол, лавки, огромная русская печь, занимавшая треть комнаты. На стенах висели пучки сушеных цветов, но, приглядевшись, я понял, что это не цветы, а клубки змеиной кожи, вывернутые наизнанку.

За ужином (горячая репа, черный хлеб, травяной чай с привкусом дыма) Тихон молчал. Ел он аккуратно, крошки собирал в ладонь. И только когда за окном совсем стемнело и завыл ветер, он заговорил.

— Завтра у нас Окликание. Пойдешь?

— Что это? — спросил я, доставая блокнот.

— Проводы. Пришлые души из леса возвращаются к себе. Мы им помогаем. Но тебе, — он поднял глаза от стола, и я увидел в них отблеск свечи, которая стояла между нами, — тебе нужно другое.

— Что мне нужно?

— Искупление.

Он произнес это слово так, будто оно было именем. Долгим, тягучим: «Ис-куп-ле-ни-е».

Ночью я проснулся от звука. Кто-то скребся под полом. Не мышь — что-то более тяжелое, размером с собаку или человека. Оно медленно передвигалось от угла к углу, и по звуку я слышал, как оно ведет когтями по половицам с обратной стороны. Я свесил голову с печи и прислушался. Скрежет за-

тих. А потом раздался шепот. Он шел из подпола, но казалось, что он рождается прямо в моей черепной коробке:

«Ты не Витька. Ты — дрова для их костра. Понял? Дрова должны быть сухими. Тебя высушат».

Я резко сел. В доме было тихо. Внизу, на лавке, спал Тихон — я слышал его ровное дыхание. Я спустился, зажег фонарик и осветил в щели пола. Под домом было пусто. Только земля и паутина. Но на одной из половиц я нашел длинную черную пуговицу от пальто. Вчера её здесь не было.

Глава 3. Окликание

Утро началось с колокола. Он звонил не металлически, а глухо, надтреснуто, будто били в старый рельс, подвешенный за ребро.

Народ собирался на площади у колодца. Я насчитал около сорока человек. Странность заключалась в одежде. Она была одинаковой и нелепой, как форма в доме скорби: белые льняные рубахи до колен, подпоясанные черными веревками, на ногах — онучи, но не серые, а алые, как сырое мясо. Лица у всех были белые, посыпанные мукой или золой. И у каждого на лбу стояла метка. У одних — точка, как у той старухи, у других — крест, у третьих — три горизонтальные

линии.

Тихон подошел ко мне с узелком в руках.

— Надень, иначе они тебя не примут.

В узелке лежала рубаха, но не белая, а черная. И веревка была сплетена из человеческих волос — я узнал это по характерному блеску.

— Я наблюдатель, — сказал я, отстраняясь. — Мне нужно фиксировать, а не участвовать.

Тихон усмехнулся. Это была первая эмоция на его лице за все время.

— Здесь нет наблюдателей, Витя. Здесь есть либо дрова, либо огонь. Выбирай.

Я огляделся. Люди стояли неподвижно, глядя в небо. Они не разговаривали друг с другом. Из их ртов не вырывался пар, хотя было холодно. Пар из моего рта шел. Из их — нет.

«Гипотермия», — записал я в блокноте, стараясь не думать о том, что стоградусный пар изо рта не может исчезать по желанию.

Началось Окликание.

Вперед вышла женщина. Молодая, лет тридцати, с лицом фарфоровой куклы. Она встала у колодца и закричала. Но это был не человеческий крик. Она кричала голосом, который явно принадлежал кому-то другому — старому, прокуренному, низкому. Она выкрикивала имена:

— Ага-а-афь-я-я! Выходь! Прощаем тя-я-я!

И толпа эхом повторяла: «Проща-а-ем!»

Затем она начала перечислять грехи. Это было самое страшное. Она не просто называла поступки, она описывала их с физиологическими подробностями:

— Ты согрешила чревоугодием, Агафья! Ела тесто сырое, глодала яйца змеиные! Прости мя-я-я!

Люди в ответ вздыхали так, что листья взлетали с земли.

Ритуал длился около часа. Каждого «пришлого духа» вызывали, каялись за него, а затем «пеленали». Для этого из толпы выходили двое мужчин, которые тащили куклу, сделанную из соломы и обернутую в белую ткань. Кукла была размером с настоящего младенца. Её заворачивали в пелену,

туго, перетягивая веревкой, а затем опускали в колодезь. Я слышал всплеск. Но в какой-то момент, когда туда опускали седьмую «душу» (мужскую фигуру покрупнее), всплеска не было. Был звук, будто колодезь проглотил её всухую, как глотка, сжавшаяся в спазме.

После ритуала ко мне подошли двое. Это были те самые парни, что топили кукол. Один — лысый, с лицом, изрытым оспинами, второй — рыжий, с бельмом на глазу. От них пахло гарью и сырой землей.

— Ты кто такой у нас? — спросил лысый, касаясь моей куртки. — Теплый, не живой, не мертвый. Батюшка сказал, у нас чужак. Ты не из Древа, но тебя привело.

— Кто такой Батюшка? — спросил я.

Рыжий с бельмом засмеялся. Его смех был похож на кашель чахоточного.

— А вот узнаешь. Кому положено, тот и Батюшка. А кто не ведает, того он сам найдет. Ступай в баню. Воду мы нагрели. Сегодня у нас «Банная ночь». Омоемся, а потом пойдем смотреть, как огонь с неба сходит.

— Огонь? — переспросил я, и внутри у меня всё похолодело. — Обычный огонь? Костер?

— Не, — ухмыльнулся лысый и почесал шрам через всю щеку. — Эт не костер. Эт когда человек сам по себе горит. Изнутри. Красиво.

Глава 4. Банная ночь

Баня стояла на отшибе, у самой кромки леса. Черная, приземистая, она напоминала зверя, лежащего в засаде.

Внутри было жарко. В печи гудело пламя, и сквозь щели в камнях я видел, как оно извивается. Люди сидели вдоль стен нагишом. Их тела были покрыты шрамами. Присмотревшись, я понял, что это не просто раны, а ритуальные надрезы — прямые линии, идущие от ключиц к паху, как контуры распахнутой рубахи на коже.

— Это «Врата», — шепнул мне на ухо Тихон, тоже голый.
— Чтобы душа выходила, когда надо.

Он вручил мне веник, но не из березы, а из стеблей крапивы и полыни. Пар поддавали не на камни, а на раскаленные черепки горшков, сложенные пирамидой. Вода в кадушке была черная, отдающая железом. Мне предложили зачерпнуть и плеснуть. Я отказался. Тогда лысый (я узнал его по отсутствию бровей) подошел сзади и резко окунул мою го-

лову в эту жижу.

Я закричал, но крик утонул в пару. Жижа была не водой, а чем-то вязким, как кровь, но с запахом дыма и ладана. Когда меня отпустили, я отплевывался черным, а окружающие запели.

Пели они на языке, которого я не знал. Звучало как древнерусский, но слова были вывернуты. «Свеча горит, плоть не спит», «Уголь в рот, язык немеет», «Баба-Яга, открой подпол, у нас для тебя гостинец — запертая душа». Меня начало знобить, несмотря на жару.

В центр вывели мужчину. Это был тот самый кузнец, что все утро носил дрова для ритуала. Он был слеп. Его веки были сшиты суровой ниткой. Он улыбался.

— Брат Глеб готов! — провозгласил лысый.

Глеба положили на лавку. Рыжий с бельмом достал откуда-то железный прут, раскаленный на печи добела. Я думал, сейчас будет пытка, но прутом он провел над телом Глеба, не касаясь кожи. На высоте ладони. И там, где прошел прут, кожа Глеба начала тлеть! Я видел собственными глазами: плоть загоралась, как бумага, на расстоянии. Запахло горелым мясом и чем-то сладким, тошнотворным, как гниющие яблоки.

Глеб не кричал. Он выдыхал густой черный дым. Из его ушей и ноздрей потек воск. Не пот, а именно воск, желтый, пчелиный. Он стекал по ребрам и застывал сталактитами. Люди вокруг начали молиться быстрее, и вдруг все свечи в бане погасли разом.

В темноте я слышал шепот. Тысячи голосов. Они шептали из стен, из печки, из подполья. И все они произносили одно слово:

«Лан-ге... Лан-ге... Лан-ге...»

Мое имя.

Я вскочил и, не помня себя, бросился к выходу. Но дверь не открывалась. Она была не заперта, а будто выросла в косяк. Я дергал её, царапал ногтями, пока не сломал два пальца. Позади меня в темноте кто-то засмеялся — детским голосом, в котором звучала смерть.

— Рано. Еще рано, Вить. Тебя еще надо пометить.

Когда дверь наконец поддалась, я вывалился на улицу. За спиной в бане снова зажегся свет. Люди внутри пели, распаривая веники. Глеб сидел на лавке, целый и невредимый, и вытирал лицо полотенцем. Шрамы на его груди сочлились не

кровью, а медом.

Я понял, что схожу с ума.

Глава 5. Хлеб и полынь

Три дня я провалялся на печи у Тихона. Врач в такую глушь не приедет, да и некому было звать. Тихон поил меня отваром из трав. Во рту стоял вкус полыни и чего-то вяжущего, вроде коры дуба.

На третий день он сел на край лавки и сказал:

— Ты, Витя, был мертв два часа. Сердце не билось. Мы тебя в подпол уже хотели спускать, чтобы земля приняла, но Батюшка приказал тебя напоить.

— Какой еще Батюшка? — прохрипел я, с трудом разлепляя губы.

— Главный наш. Ты его завтра увидишь. Он сам изъявил желание. Это, знаешь, честь для пришлого. Никто из вашего брата его не видел до срока.

— Срока чего? — я попытался сесть, но голова закружилась.

Тихон встал, подошел к печи и вытащил из неё горшок. В горшке было нечто черное, обугленное, дымящееся. Он разломил это пополам. Внутри, как оказалось, был хлеб — белый, мягкий, источающий аромат меда и ванили. Но на его корке снаружи был выжжен узор — спираль, закрученная против часовой стрелки.

— Поешь. Это «Хлеб Покоя». Он стирает память. Тебе станет легче.

Я отказался. И в тот момент увидел в окне лицо. Оно висело за стеклом — бледное, с черными провалами глаз, с губами, зашитыми грубой ниткой. Оно смотрело прямо на меня. Я закричал, показывая Тихону, но когда он обернулся, за окном была только ночь и редкий дождь.

— Поздно отказываться, — вздохнул Тихон, убирая хлеб обратно в печь. — Тебя уже записали.

— Куда записали? — спросил я, чувствуя, как по спине бежит холодный пот.

— В «Синодик Огненных». Тебя внесли в списки тех, кто сгорит.

Я вскочил с печи. Ноги дрожали, но адреналин придал сил. Я схватил топор, лежавший у порога. Тихон не пошевелился.

— Меня зовут Виктор Ланге. Я гражданин Российской Федерации. У меня есть права. Я вас всех посажу. Я уйду отсюда немедленно!

Тихон засмеялся. Теперь я слышал, что его смех был неестественно низким, как гул из пустой бочки.

— Иди, Витя. Дверь открыта.

Я выскочил на крыльцо. Деревня была окутана туманом. Но туман был не серый, а пепельно-золотой, будто горели поля где-то за горизонтом. Я побежал по дороге. Бежал долго. Мимо домов, мимо колодца, мимо бани. Через час бега я уперся в лес. Через два — вышел на поляну с той же баней. Еще через час я снова стоял у дома Тихона.

Я не мог уйти. Пространство загибалось, как лист бумаги, скрученный в воронку. Центром воронки была деревня.

На крыльце сидел лысый, зашивая старую куклу. Увидев меня, он махнул рукой:

— Без «Отпускной» не выйдешь. Без Батюшки. Завтра

праздник. Ложился бы спать, Виктор.

Я сел на землю и заплакал. Впервые за много лет.

Но слезы, скатываясь по щекам, оказались не солеными, а маслянистыми и горячими. Когда они падали на землю, трава вспыхивала и сгорала дотла.

ЧАСТЬ II. СИНОДИК ОГНЕННЫХ

Глава 6. Гнездо

Я очнулся не на печи у Тихона. Я очнулся в яме.

Земля была холодной и влажной, пахло плесенью и древесными грибами. Надо мной, на высоте трех метров, виднелся квадрат серого неба, затянутый мутной пленкой — не то утренний туман, не то мои собственные слезы, высохшие на роговице. Руки мои были связаны спереди. Не веревкой — чем-то скользким, податливым. Опустив глаза, я увидел, что это кишки. Длинные, сизые, еще теплые. Свежие.

Я закричал. Звук ударился о стены ямы и вернулся ко мне, только ниже, утробнее, как будто я кричал не ртом, а дырой в земле.

Сверху появилась голова. Лысый.

— Проснулся, чужак. Хорошо. А то мы уж думали, ты к Предкам ушел без очереди.

— Где я? — прохрипел я, стараясь не смотреть на свои руки.

— В «Гнезде». Так яма зовется. Сюда сажают тех, кто нарушил Закон Колоса. Ты хотел уйти. Батюшка велел тебя учить.

Он кинул вниз ломоть хлеба. Тот упал в грязь. От него пахло дымом.

— Ешь. Или сдохнешь. Нам все равно, каким ты сгоришь — тощим или тучным. Но тощие дольше мучаются. Жир горит веселей.

Я не прикоснулся к хлебу.

Лысый ушел. Наступила тишина, такая глубокая, что я слышал, как черви роют ходы в земле за моей спиной.

Через час (а может, через десять) в яму спустилась веревочная лестница. По ней, как паук, спустился Тихон. В руке

у него была свеча, но она не горела, а испускала бледный холодный свет, как гнилушка.

— Не дури, Витя. Я тебя не сдал. Я тебя спрятал. Если бы ты ушел в лес — тебя б разорвали. Там сейчас «Пепельные Псы» гуляют. Они следы тех, кто сгорел, лижут. А свежих не любят.

Он развязал мои руки. Я молчал, растирая запястья. Кишки исчезли. На их месте была обычная пеньковая веревка. Но ощущение липкой тяжести осталось.

— Слушай меня внимательно, — зашептал Тихон, наклоняясь к самому уху. — Завтра Батюшка выйдет. Он выходит раз в год, на праздник «Красной Тряпицы». Тебя вызовут. Ты должен ответить на три вопроса. Если ответишь верно — тебя отпустят. Если нет — определяют в дрова.

— Какие вопросы? — спросил я, хотя в глубине души уже знал, что это ловушка.

— Простые. «Кто ты?», «Зачем пришел?», «Чей огонь в тебе?»

— И какой правильный ответ?

Тихон отвел глаза. По его щеке пробежала тень, и я заметил, что у него нет зрачков. Глаза были сплошь белыми. Я отшатнулся и ударился затылком о стену.

— Правильного нет, — прошептал он голосом, который принадлежал уже не ему, а чему-то, что пряталось у него в гортани. — Ты ответишь так, как захочет он. И он выпьет твой ответ, как вино.

Свеча погасла. Тихон растворился в темноте, оставив меня одного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.